

Тьма и пламя.
На бескрайней земле

ПРОЛОГ

Влажные стены из черного камня блестели в густом свете волшебного фонаря. — Когда твой служка сказал, куда меня ведет, я не поверил. Хотел даже устроить ему взбучку, но теперь вижу — совершенно напрасно. — Высокий, огромный, как гора, чернобородый посетитель в алой рубахе нараспашку и темных кожаных штанах хрипло хохотнул и прикрыл дверь. — Знаешь, а здесь совсем недурно и... уф... прохладно, — осматривая темницу, одобрительно покивал он и опустился на лавку рядом с худощавым человеком в зеленом платье, расшитом золотом. — Я...

— Гром. — Человек в зеленом платье поднял руку, прерывая посетителя. — Я разделяю твое удивление, но для серьезного разговора это место намного безопаснее моего тронного зала.

— Согласен. У твоего хромоногого брата, чтоб его сверы порвали, везде свои уши. Но мое предложение остается в силе. — Гром медленно сжал кулак, сдавливая воображаемую шею. — Аладар, ты меня знаешь: я — человек прямой. Только прикажи, и уже завтра мы будем дружно скорбеть по

нему. Можно обойтись даже без крови. На Безымянном острове я знаю одного лекаря... Обещаю муки совести взять на себя. — Он зловеще улыбнулся.

— Боги, он же мой брат, — вздохнул Аладар. — И оставим Ванзелоса в покое. Я тебя вызвал по более важному делу.

— Не понимаю, что может быть важнее, чем лишиться хромоногую жизнь, — искренне удивился Гром.

— Может. — Аладар впервые повернулся к собеседнику и посмотрел на него грустными глазами.

Улыбка сползла с лица Грома.

— Клянусь всеми известными богами, лицо у тебя сейчас темнее этих стен. О-о, несмотря на то что прошло столько лет, я до сих пор помню этот взгляд. Последний раз ты смотрел на меня так, когда принимал решение о сдаче Мирацилла. Вот, видишь, мы опять вернулись к твоему брату.

Аладар понурился, кончики длинных серебристо-серых волос почти коснулись его колен.

— А может, он был прав? Не проходит и дня, чтобы я не думал, правильно ли тогда поступил?

— Хватит! Не будь ты мэждем Семи островов, дал бы тебе в ухо. Никогда не смей сомневаться в сдаче Мирацилла. Спирфламы Джона Крылатого выжгли бы там все дотла. И ты не хуже меня это знаешь. И понимал это, когда принимал тяжелое решение. А от нашей с тобой смерти выиграл бы только твой проклятый братец.

— Можно было попытаться отогнать спирфламов баллистами, ревом...

— Вот именно, отогнать... Боги, зачем я тебе вообще это говорю?

— Но хлеб, зерно... У нас и до сдачи Мирацилла было слишком мало плодородных земель. А теперь мы вынуждены покупать все это в сто раз дороже, чем оно того стоит. А что будет, когда самоцветы на островах закончатся? Или короли бездарей запретят торговлю на Безымянном острове? Не будет ни хлеба, ни риса, ни мяса. Не будет ничего.

— Хлеб, зерно?! — Гром угрожающе навис над Аладаром, словно и вправду собирался его ударить. — Ты думаешь, все те ублюдки, которые обвиняют тебя в трусости, думали о хлебе и о том, как накормить островитян? Это же полный бред! — Он топнул ногой, после чего, тяжело дыша, опустил ладонь на плечо Аладара. — Кроме того, мы всегда сможем наловить себе рыбы, — невесело улыбнулся он. — Ее-то у нас точно никто не заберет.

— Да, — мрачно произнес Аладар. — Рыбы и... соленой воды у нас в избытке.

— Послушай... когда я сюда шел, знаешь, что видел?.. Я видел чистые и светлые улицы. Я видел, как по ним со смехом бежали мальчишки. Я видел пустые темницы. Много-много пустых темниц. А почему? Потому что ты — прекрасный мэдж. Потому что твоим подданным не приходится воровать или убивать, чтобы прокормить себя или своего отпрыска. А в некоторых городах Грэйтлэнда попрошайек на улицах больше, чем клопов в грязном придорожном трактире. Я не говорю уже о том, что тебе легко могут разорвать глотку за кусок того самого хлеба, о котором ты так печешься. Семь островов — лучшее из известных мне королевств. Благодаря тебе и твоему отцу, пусть земля ему бу-

дет пухом. — Гром стер пот со лба, опустил взгляд, разглядывая волшебный фонарь на полу. — Так зачем ты меня звал?

— Габриэль...

— Что опять натворил этот несносный мальчишка? — хохотнул Гром.

— Пока ничего не натворил. — Аладар покрутил янтарный перстень. — Но, думаю, скоро обязательно натворит. Скажи, ты не заметил ничего необычного в его поведении?

— Да вроде нет, — пожал плечами Гром.

— А разве ты стал не чаще заниматься с ним в последнее время?

— И что в этом необычного? — не понял Гром. — Габриэлю нравятся мои уроки. Ему — умения, мне — хорошая разминка. Я обоими клинками «за».

— И как его успехи?

— Парень, скажу я тебе, молодец. Выкладывается по полной. Последние месяца... три. Не вижу повода для беспокойства.

— Сциники по языкам и культуре тоже это заметили. А вот сциники по истории, магии и философии им не очень довольны.

— И? — вопросительно уставился Гром на Аладара. — Очевидно, я должен сделать из этого какой-то вывод?

— Думаю, он готовится к побегу.

— Дела... — Гром удивленно покачал головой. — Ты уверен?

— К сожалению, уверен. Иначе я не стал бы беседовать с тобой здесь. В темнице.

— А, ну верно, — задумался Гром. — Это из-за свадьбы?

— Отчасти.

— Не в обиду будет сказано, но я бы тоже сбежал, если бы меня сватали за Бруну Сапиэнос. Эту ноби красивой могут назвать только ее родители.

— Возможно, в моих руках уже нет прежней силы, но глаза меня пока еще не подводят. Я прекрасно вижу, что она не идеал красоты.

— Ты слишком добр к бедной девочке, — гаденько усмехнулся Гром. — Не хотел бы я быть ее зеркалом.

— Но союз с дирром острова Красного камня...

— Твой сын, — развел руками Гром, с осуждением взглянув на хмурого Аладара. — Только я до сих пор не вижу своего места в этом деле... — После долгой паузы Гром настороженно покосился на собеседника. — Э-э, хоть ты и мой лучший друг, хоть и мэнж, эту просьбу я выполнить не смогу. А впрочем... — скуксился Гром, — я обязан тебе многим и до сих пор не смог отблагодарить как следует. Ладно, согласен.

— Ты о чем? — с недоумением спросил Аладар.

— О свадьбе, разумеется. — Гром заметно повеселел. — Постой, а ты разве не хочешь женить меня вместо своего сына на ноби Бруне?

Аладар нервно усмехнулся:

— Как ты только додумался до такой мысли?!

— Уф. — Гром приложил ладонь к груди. — Камень с души упал. А то, знаешь, я уже начал думать, чтобы составить Габриэлю компанию. Так, со свадьбой разобрались. Но, как я понял, проблема не только в уродстве ноби Бруны и желании родителей выдать ее замуж за Габриэля?

— Свадьба лишь поторопила его, заставила ускорить приготовления к побегу. Мой сын все равно бы сбежал. Как будто ты не знаешь Габри-

эля. Разве не ты двое суток искал его в шахтах на острове Ледяных слез, сорвав голос? Габриэль хочет увидеть мир, а тут, увы, я бессилён. Семь островов стали для него слишком тесными.

— Но ты же мэдж! Неужели у тебя не найдется какого-нибудь хитрого зелья, способного заставить Габриэля не покидать острова. Если нет, я сплаваю на Безымянный остров. Наверняка у моего полухорошего полузнакомого лекаря найдется что-нибудь для такого случая.

— Хм... и это мне говорит житель Семи островов. Если бы ты чуть больше интересовался магией, то знал бы, что эффект от такого зелья будет временным. Да я бы никогда и не стал играть с разумом собственного сына. А пожизненное внушение — такой же миф, как и то, что раскаленные печи Дарквы топят людскими трупам.

— А разве нет? — с сомнением спросил Гром.

Аладар ничего не ответил, недовольно буркнув что-то себе под нос. Волшебный фонарь на полу замигал, предупреждая о своей грядущей кончине.

— Да чтоб тебя! — Гром нагнулся к фонарю, приподнял и сильно потряс, сбивая лихорадочное моргание, после чего вернул его на пол.

Фонарь перестал мигать, но свет, бьющий сквозь стеклянные стенки, ослабел.

— Скоро потухнет, — задумчиво сказал Гром и посмотрел на Аладара. — Однако я пока лишь понял, почему Габриэль хочет сбежать. И так и не выяснил, зачем ты позвал меня.

— В этом деле я могу рассчитывать только на тебя. Потому что ты будешь его охранять.

— Габриэль никогда не согласится, чтобы я сопровождал его в походе. Именно поэтому он за-

блудился в шахтах на острове Ледяных слез, провалился в охотничью яму Эрсэльского леса и едва не утонул в водоворотах реки Вибэк. И это без учета укуса шипохвоста и падения с толстобрюхого дерева... Двух падений с толстобрюхого дерева.

— Моего сына кусал шипохвост?

— Ты не знал? О, не переживай, он был слишком молод, чтобы отравить храброго мэйта Семи островов. В противном случае я бы его и близко не подпустил к шипохвосту.

— Теперь я понимаю, почему Габриэль тебя так любит. Ты многое ему позволяешь и слишком хорошо его знаешь.

— И я знаю, что он никогда не согласится на няньку.

— Конечно, не согласится, если будет о ней знать. Но ты должен сделать так, чтобы он о ней даже не подозревал. Если Габриэль все-таки решит отправиться в Грэйтлэнд, ты пойдешь по его следам. А если ты такой умелый следопыт, как о тебе говорят, то тебе не составит труда держаться в тени, чтобы он тебя не замечал, но и не упускать его из виду. Но смотри, — Аладар погрозил пальцем, — не смей его потерять.

— Интересно, кто в это время будет охранять твою бесценную голову?

Аладар молчал. Он опять загрустил, ссутулился, уткнувшись взглядом в потускневший фонарь. Горестно вздохнул, шурша бархатной темно-зеленой туфлей по щербатому полу.

— Когда-то я тоже мечтал о путешествиях и приключениях, — тоскливо изрек Аладар. — Хотел увидеть бессмертного мудреца из Бэй-Цэнга, попробовать на вкус милис из пивоварен Далии и пощучу-

пать прекрасных пышногрудых девиц в столице Карендорфа. Но война...

— Да, война... Но не переживай, ты не так уж много потерял. Сладкое пиво — невиданная дрянь, годится только для того, чтобы как следует прочистить желудок. Пышногрудость и красота карендорфских девок сильно преувеличена их же искусными, влажными языками. А мудрец из Бэй-Цэнга, по слухам, питается дерьмом летучих мышей и убивает всякого, кто ему не по нраву.

— Что ж, надеюсь, когда Габриэль поймет, что собой на самом деле представляет Грэйтлэнд, ему больше не захочется покидать острова. Никогда.

— А если он не вернется ко дню свадьбы? Такой позор. Сапиэнос из друга может превратиться во врага. В опасного врага.

— Значит, ты должен позаботиться о том, чтобы Габриэль вернулся в срок. Но... прежде я запиру его в главной башне, чтобы он не сбежал.

— Кх, если бы я сейчас ел, то непременно бы поперхнулся. — Гром выставил указательные пальцы перед собой, развел их в стороны, а потом скрестил у кончика носа, разглядывая так, словно они были чужими. — Когда я чего-то не понимаю, начинаю нервничать. Когда я нервничаю, становлюсь буйным. А когда я становлюсь буйным, мне страсть как хочется ввязаться в драку. Но мэнжа бить — богов гневить. Поэтому пожалей посетителей ближайшего трактира, а? Ты хочешь, чтобы твой сын сбежал, но при этом собираешься запечатать его в башне?

Аладар тихо засмеялся.

— Мой друг, я, не раздумывая, доверил бы тебе собственную жизнь. И доверяю жизнь собствен-

ного сына. Но я бы никогда не поставил тебя во главе армии. Ты лихо рубишь головы, но в стратегии и тактике ничего не смыслишь. Только в том случае, если Габриэль сумеет выбраться из башни, я поверю, что он действительно хочет попасть в Грэйтлэнд. И лишь тогда его отпущу.

— У-у, какое коварство. Мне нравится. Один вопрос. — Гром поднял указательный палец. — Допустим, ему удастся сбежать из башни. Допустим, он даже сумеет добраться до Безымянного острова и там сесть на корабль до Крабового берега. Но как, имея магию в крови, он пройдет портовых свергов?

— Но ты же как-то их проходишь?

— Хо! Я — другое дело.

— А по-моему, нет. — Аладар бросил на Грома оценивающий взгляд. — Две руки, две ноги, пара глаз... — Он загадочно улыбнулся. — Да и одежды, выстиранные в соке аннам-травы, должны помочь.

— Кхм, об этом я не подумал.

— В отличие от Габриэля... У тебя есть другие вопросы?

— Сколько у меня времени?

— Ночь.

— Эта ночь? Он сбежит уже завтра?

— Завтра его зачарованные одежды подсохнут...

— Ну, завтра так завтра. — Гром поднялся. — Я все-таки надеюсь, что он не сможет покинуть башню.

— Не обижай меня. Он же мой сын. Утром я зайду к тебе. Необходимо еще обдумать некоторые детали. Полагаю, тебя не нужно предупреждать, чтобы о нашем разговоре не узнала даже твоя самая страстная любовница.